

НАЧАЛО ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Я. В. АБРАМОВА В 70-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Е. И. Гаврилова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 сентября 2022 г.

Аннотация: статья посвящена проблеме становления мировоззрения одного из главных идеологов народничества 1880-х гг. Я. В. Абрамова. Анализируются причины, по которым бывший воспитанник Ставропольской классической гимназии и Кавказской духовной семинарии становится народником-пропагандистом. Выявляются спорные вопросы, связанные с изучением общественной деятельности Абрамова в 1870-е гг. Уточняются обстоятельства первого ареста народника осенью 1879 г.

Ключевые слова: Я. В. Абрамов, народничество, «хождение в народ», «Земля и воля», революционные кружки.

Abstract: the article is devoted to the problem of formation of outlook of one of the main ideologists of nationalism in the 1880s Ya. V. Abramov. The reasons why the former pupil of Stavropol Classical Gymnasium and Caucasian Theological Seminary becomes a populist-propagandist are analysed. The circumstances of Abramov's first arrest in the fall of 1879 are clarified.

Key words: Ya. V. Abramov, populism, «walking the people», «Land and Will», revolutionary circles.

1870-е гг. – это время подъема общественного движения в России, связанного с деятельностью так называемого «активного» народничества. Под влиянием этого направления общественной мысли находились многие представители тогдашней «идейной» молодежи. Не составляет исключения и видный народнический писатель и публицист 1880–1890-х гг. Яков Васильевич Абрамов (1858–1906), более известный как один из основоположников теории «малых дел». В молодые годы он не только сочувствовал идеям революционных народников, но и в конце 1870-х гг. был уличен полицией в распространении у себя на родине в г. Ставрополе антиправительственной литературы.

В литературе о самом Абрамове формирование его народнического мировоззрения и начало общественной деятельности специально не изучались. И вообще о жизни Абрамова до 1881 г., когда началось его постоянное сотрудничество в столичных журналах, известно только в общих чертах [1, с. 5–6]. Исключение составляет период обучения Абрамова в Кавказской духовной семинарии в 1875–1876 гг., подробно описанный в недавних статьях В. М. Головки [2; 3]. Поэтому главный вопрос – как и почему юный Абрамов стал народником, на наш взгляд, нуждается в более подробном рассмотрении.

Яков Абрамов родился 22 октября 1858 г.¹ в провинциальном городке Ставрополе-Кавказком в семье

мелкого чиновника городской управы Василия Николаевича Абрамова и его жены Ксении Прохоровны (оба православного вероисповедания). Яков был их четвертым ребенком из пяти. Таинство крещения совершил священник Георгий Феодосиев [5, с. 227]. Став писателем, Абрамов взял себе литературный псевдоним «Федосеевец».

В 1850-е гг. Ставрополь являлся крупнейшим центром всего Предкавказья. Еще в 1820-е гг. в этом городе проживало чуть больше 5000 жителей. Но после переноса сюда в 1847 г. центра губернии ситуация изменилась. Уже во второй половине XIX в. Ставрополь не уступал по темпам строительства и развития любому европейскому городу. Преобладали в городе купцы и мещане, которые занимались сельскохозяйственной деятельностью: ремеслом, садоводством, огородничеством. К ним же относилась и семья Якова Абрамова.

До 10 лет мальчик получал домашнее обучение. Главным учителем и воспитателем выступал его отец – Василий Абрамов – «мещанин-самоучка» [4, л. 1].

С осени 1868 г. Яков Абрамов начал обучение в подготовительном классе классической мужской гимназии г. Ставрополя, здание которой сохранилось до сих пор. В 1869 г. поступил в первый класс. На тот момент в гимназии училось около 900 воспитанников. Были открыты специальные классы, которые готовили юношей после выпуска для поступления в университет, а также будущих учителей уездных училищ.

Во второй половине XIX в. Ставропольская гимназия превратилась в настоящий центр умственного воспитания местной молодежи, дав России таких

¹ Сам Я. В. Абрамов считал датой своего рождения 21 октября 1858 г., что нашло отражение в его автобиографии 1886 г. [4, л. 1] и в справочной литературе [1, с. 5].

© Гаврилова Е. И., 2022

видных деятелей освободительного движения, как М. Ф. Фроленко, Г. А. Лопатин, М. И. Бруснев и А. Ф. Михайлов [6, с. 33]. Среди гимназистов ежегодно проводились конкурсы на лучшее сочинение по истории. Работы, одобренные педагогическим советом гимназии, публиковались в местной газете «Ставропольские губернские ведомости».

Учиться в гимназии было нелегко. Подъем в 7 утра. Занятия в классах продолжались с 8 ½ утра до 6 ½ вечера (с перерывом на обед). От переутомления, писал Абрамов в начале 1880-х гг. в одном из своих автобиографических очерков, «не понимаешь и половины происходящего вокруг тебя и держишься... только из страха перед начальством». Возвратившись домой, едва не падаешь от усталости. Но отдыхать некогда – нужно готовить уроки, «вникать в тонкости стиля Плутарха или указывать сходства и различия между Плюшкиным и Скупым рыцарем». Спишь с 11 часов вечера до 3 часов утра, когда тебя нарочно будят еще на два часа для завершения домашней работы. Итого «шесть часов отдыха... и 18 час. возни – ведь это на редкой фабрике бывает!» [7, с. 54, 59].

Но, несмотря на огромные нагрузки, учиться Абрамов любил и даже находил время для самообразования. Исследователи его ранней биографии отмечают особую склонность юноши к чтению книг по естествознанию (подобно Евгению Базарову из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»). Это труды по ботанике, анатомии, физиологии, химии, физике, астрономии, медицине и т. д. Хотя со временем он начал интересоваться и общественными науками (экономика, философия, история, социология, лингвистика и др.). Интересно, что в списке изученных Абрамовым книг есть издания на английском, французском и немецком языках, хотя в гимназии преподавали только немецкий [2, с. 55, 61].

В Ставропольской гимназии Яков Абрамов приобрел свой первый литературный опыт, став одним из авторов рукописного ученического журнала «Люцифер» [8, с. 14]. С 13 лет начал печатать корреспонденции из ставропольской жизни. А еще через год у него появилось желание познакомиться с духовной жизнью народа и пробудился интерес к сектантству [9].

По итогу 1873/74 учебного года Яков завершил учебу в 5-м классе на «4,4», получив следующие оценки: 1) закон Божий – 5; 2) русский язык – 4; 3) латинский язык – 5; 4) греческий язык – 5; 5) немецкий язык – 4; 6) арифметика – 4; 7) история – 4; 8) логика – 4. За этот аттестат он получил «награду 2-й степени» [5, с. 228–229]. Однако вскоре Абрамов вынужден был прервать свое обучение.

Принято считать, что будущий народник покинул гимназию из-за нарастающего конфликта с наставниками данного учебного заведения, недовольными его огромным нравственным влиянием на товарищей

[10, л. 13]. Осенью 1874 г. по доносу одного из гимназистов Абрамов был посажен в карцер, после чего по прошению отца отчислен из 6-го класса «вследствие болезни» [5, с. 226]. Но как следует из дневниковых записей самого Абрамова, к этому шагу его подтолкнули неожиданное разорение семьи (из-за недобросовестного компаньона отца) и необходимость самому «позаботиться о куске хлеба» [2, с. 51], ведь на тот момент юноше уже исполнилось 16 лет.

По протекции одного богатого родственника, до осени 1875 г. Абрамов работал в качестве приказчика «по овечьему делу». В основном закупал траву в самых удаленных уголках Ставропольской губернии и области войска Донского. Близкое знакомство с условиями жизни простого народа, угнетаемого кулаками-коммерсантами, произвело на Абрамова тяжелое впечатление [11, с. 133–134, 142]. Отныне социальная несправедливость перестала быть для него книжной абстракцией.

В первой половине 1870-х гг. в молодежной среде набирало популярность народническое учение о долге интеллигенции перед народом. В легальной печати его активно развивал тогдашний «властитель дум» Н. К. Михайловский. Еще гимназистом Абрамов пришел к выводу, что средством уплаты его собственного долга народу будет распространение в деревне знаний. «Недаром же мы учились, черт возьми!», – думал он. С этой целью было приобретено множество популярных книг (руководства к огородничеству, к уходу за скотом, к обработке льна и т. п.), которые, как считал Абрамов, необходимы в деревне. Однако первый опыт культурно-просветительской работы был неудачным. Оказалось, что крестьянам некогда читать. Книжки заинтересовали только одного мужика, который считал, что он «особь-статья» и, в конце концов, стал кулаком [там же, с. 97–99].

В августе 1875 г. Абрамов подал прошение ректору Кавказкой духовной семинарии о желании продолжить обучение в ее общеобразовательных классах (чтобы потом поступить в высшее учебное заведение). И уже в сентябре, успешно сдав экзамены, на два года стал «казеннокоштным» воспитанником Ставропольской семинарии.

Согласно именной ведомости, датированной сентябрем 1877 г., Абрамов «поведения – очень хорошего», способностей – «весьма хороших», прилежания – «постоянного», успехов – «отличных» [5, с. 231]. В аттестате у него почти одни пятерки. «Хорошо» только по Священному Писанию и греческому языку. Юноша свободно говорил по латыни и обладал математическим талантом. Пробовал писать драматические произведения («Смотрины», «Современное семейство», «Перелом», «Сон» и др.) о жизни мещанского сословия, преобладающего тогда среди жителей Ставрополя. Одновременно проявлял инте-

рес к углубленному изучению истории, экономики и медицины. Очевидно, что юный Абрамов – личность неординарная и харизматичная [3, с. 95, 99].

Вот только с «поведением» у Абрамова было не все так хорошо, как указывалось в ведомости 1877 г. Так, весной того года инспекцией была обнаружена попытка Абрамова войти в переписку с учениками Пермской, Иркутской и Смоленской семинарий с целью «выяснить умственное и нравственное развитие воспитанников...» [10, л. 13 об.]. В данной переписке Абрамов просил своих корреспондентов делиться сведениями и мыслями относительно внутренней жизни семинарии и качества тогдашнего семинарского образования. Сам он открыто критиковал существующую образовательную систему России, обращая внимание на отсутствие в ней индивидуального подхода, идей гуманизма, изучения естественных и социологических предметов. Отношение преподавательского состава к обучению тоже оставляло желать лучшего. Но основное зло семинарского образования, по мнению Абрамова, заключалось в «нравственном давлении на личность, не позволяющем раскрыть собственную индивидуальность» [7, с. 59].

Понятно, что руководство Кавказской семинарии усмотрело в этом инциденте прямую угрозу сложившемуся учебно-педагогическому и воспитательному строю духовных учебных заведений и отреагировало крайне негативно. Против Абрамова было начато служебное расследование. Его даже хотели исключить из учебного заведения. Горе-семинаристу спасло только то, что упомянутая выше переписка была прекращена в самом начале, не получив поддержки со стороны адресатов [10, л. 14]. В общем Абрамову дали закончить IV класс, после чего он тут же подал прошение об увольнении.

Изъятые у Абрамова в 1877 г. записные книжки и письма за 1873–1877 гг. помогают пролить свет на главный вопрос – почему он станет народником. Во-первых, у Абрамова обнаружат сделанные еще в гимназии выписки из произведений Фурье, Лассалья и Луи Блана о несправедливом распределении богатств, свидетельствующие о том, что молодой человек уже давно задумался над несовершенством современного общества [3, с. 91]. Во-вторых, в стенах Кавказской семинарии он начал зачитываться сочинениями Н. Г. Чернышевского, А. И. Левитова, Ф. Д. Нефедова и других популярных писателей-демократов [там же, с. 86, 94]. Очевидно, что впечатлительный юноша, рано столкнувшийся с людской нуждой и страданиями и проявивший устойчивый интерес к социальным вопросам, не мог оставаться в стороне от движения молодежи, которое с середины 1870-х гг. находилось на подъеме. На этот вывод нас наталкивает жизнь и деятельность Абрамова после окончания семинарии.

Осенью 1877 г. Яков Васильевич снова отправился «в народ» – в отдаленную казачью станицу Петровскую, где около года работал простым учителем. Для человека, не желающего «заедать чужой хлеб» и понимающего значение просвещения в жизни общества (все-таки перед нами будущий идеолог культурного народничества), шаг вполне логичный.

Занятие преподавательской деятельностью очень благотворно повлияло на душевное состояние юноши. Впоследствии Абрамов признался своим читателям, как он, «дотоле никогда и никем не любимый и никогда не любивший (детство мое было ужасно безобразно, до того безобразно, что я не решаюсь его вспоминать), вдруг получил столько любви от своих учеников и сам полюбил их всеми силами своей молодой души. Я просто опьянел от избытка счастья...» [7, с. 67].

В очерке «Гамлеты – пара за грош» Абрамов подробно описывает обычный день станичного учителя: как ученики будили его по утрам и помогали по хозяйству, как шумно и весело проходили занятия в классе, какими любознательными и понятливыми были молодые казачки. Формально он должен был учить их читать, писать и считать. Но на деле обсуждались все интересующие ребят вопросы [там же, с. 63–66].

Однако счастливые дни пребывания с боготворившими Абрамова учениками омрачались ужасными картинами народного страдания. Нищета, безграмотность, неустроенность жизни простого мужика очень взволновали молодого человека. Непродолжительное учительство в станице Петровской позволило Абрамову увидеть данную проблему изнутри.

Стремясь докопаться до истинных причин неустроенности народной жизни, летом 1878 г. Абрамов уехал в Санкт-Петербург, чтобы стать студентом Медико-хирургической академии². Там преподавали многие выдающиеся умы того времени, например, Д. И. Менделеев.

О жизни Абрамова в Петербурге известно немного. В РГВИА его архивное дело (как студента МХА) не сохранилось. Но нетрудно предположить, что в столице Абрамова занимала не только учеба. Здесь у него завязались тесные отношения с представителями радикальной интеллигенции, которые, как и он, были озабочены поисками «правды», т. е. причин торжествующего в жизни «зла» и путей его устранения³. Об участии в спорах с «проповедника-

² В исторической литературе нередко фигурирует другая дата поступления Я. В. Абрамова в МХА – 1877 г., впервые озвученная в его автобиографии [4, л. 1].

³ В одном из современных справочников, посвященных деятелям революционного движения в России, утверждается, что Я. В. Абрамов вступил в него в 1877 г. и имел связи с членами «Земли и воли». Но без ссылки на источники этой информации [12, с. 9].

ми» новых идей (не только народниками, но и марксистами) Абрамов вскользь упоминал в автобиографическом очерке «Гамлеты – пара на грош». Кстати, царящие в Петербурге нравы, также описанные в очерке, произвели на молодого провинциала удручающее впечатление [7, с. 72].

Проучившись меньше года, в апреле 1879 г. молодой человек покинул столицу [10, л. 14]. Что его заставило отказаться от столь нужной для любимого народа профессии врача, не вполне понятно. В своей автобиографии Абрамов ссылается на «независящие обстоятельства», которые словарь С. А. Венгерова (1889 г.) расшифровывает как привлечение к делу «о распространении книг преступного содержания» и высылку на родину [13, с. 21]. Та же версия изложена в словаре «Деятели революционного движения в России» (1929 г.) [14, стб. 2]. Однако в обоих изданиях указана неверная дата ареста Абрамова – 1878 г. вместо 1879 г. Поэтому большинство исследователей склоняется к другой версии оставления им МХА, изложенной в рассказе «Механик». Это голод и болезни, которые довели бедного студента до «полного истощения сил». «В Петербурге, – пишет он, – мне не повезло». Средств не было никаких, уроки не попадались. Жил впроголодь на сыром чердаке, пока не оказался в клинике... [15, с. 68]. Но в Петербург Абрамов еще вернется, так как жить как раньше уже не сможет. Новые идеи и настроения, почерпнутые из нелегальных собраний и запрещенных книг и газет, навсегда изменили его самосознание.

Летом 1879 г. Абрамов организовал у себя на родине кружок из радикально настроенной молодежи. Сочувствующих народническим идеям здесь хватало. По сведениям Ставропольского ГЖУ, в конце 1870-х гг. в Ставрополе действовала целая «партия социалистов» (до 150 чел.), сумевшая распространить в народе много книг «преступного содержания». Запрещенные книги ходили и среди воспитанников местной гимназии и семинарии. Доставкой их, в частности, занимались девицы Прасковья Коковкина и Людмила Благодрава. А они в свою очередь были связаны с бывшим студентом МХА Яковом Абрамовым [16, с. 75].

Исследователь В. П. Крикунов назвал наличие в Ставрополе революционного кружка во главе с Я. В. Абрамовым неоспоримым фактом. Полицейские чины неслучайно в своей переписке называли это объединение «шайкой пропагандистов», а самого Абрамова «ярким революционером». Собираясь у него на квартире, молодые люди обоего пола обсуждали содержание прочитанных книг и необходимость революционной борьбы с самодержавием. Известно, что Абрамов был знаком с местными революционными активистами Скибиным и Пожидаевым и через них мог получать отдельные экземпляры газеты «Земля и воля» [там же, с. 76].

В сентябре 1879 г. Абрамов был привлечен по делу дочери купца Прасковьи Коковкиной – воспитанницы 7-го класса женского приюта г. Ставрополя, обвиняемой в «имении запрещенных книг» (брошюра «Речь И. Н. Мышкина» и др.). В ходе дознания на квартире будущей жены Абрамова – Людмилы Николаевны Благодравовой (дочери священника, на тот момент слушательницы высших курсов г. Санкт-Петербурга) – был обнаружен чемодан с книжками «противоправительственного» содержания. Этот чемодан принадлежал студенту Новороссийского университета Ивану Афанасьевичу Чуевскому. С Абрамовым он познакомился в Ставрополе летом 1879 г. [17, л. 2, 5].

По словам задержанного в Киеве Чуевского, он и Абрамов решили перейти в Университет Святого Владимира и договорились переехать туда вместе, уложив свои вещи в чемодан, принадлежащий Абрамову. (Там же будут обнаружены некоторые его документы.) Свой же чемодан Чуевский хотел отправить в Ставрополь своей квартирной хозяйке, но Благодрава решила оставить его себе. Следователям Чуевский заявил, что о дальнейшей судьбе своего чемодана он ничего не знает и запрещенных книг никому не передавал [там же, л. 6].

На первый раз Абрамову повезло. Из показаний соседей и квартирной хозяйки видно, что никаких сборищ у него не было. Посещавшие его квартиру лица приходили не все вместе, а поодиночке. В основном это были ученики Абрамова (в то время он зарабатывал на жизнь уроками). Кроме того, из Петербурга сообщили, что, будучи студентом МХА, он «ни в каких дурных действиях не замечен и к дознаниям политического характера не привлекался». Поэтому все ограничилось подпиской не покидать Ставрополя [10, л. 10, 14–14 об.]. Правда, с планами поступления в Киевский университет пришлось расстаться.

Конечно, местные полицейские не могли оставить Абрамова в покое. 23 июля его вместе с женой все-таки приговорили к полугодовому домашнему аресту за хранение запрещенных сочинений [17, л. 2]. По истечении наказания Абрамову разрешили вернуться в столицу, установив за ним негласный полицейский надзор.

Итак, на формирование мировоззрения Я. В. Абрамова как будущего теоретика народничества оказали влияние сразу несколько факторов как личного, так и общественного происхождения.

Во-первых, это трудное детство нашего героя, навязчивое стремление «выбиться в люди», используя в качестве социального лифта получение образования, неустанные попытки найти свое место в жизни, чтобы честно зарабатывать свой хлеб, в соответствии с почерпнутыми из книг высокими нравственными

принципами. Для таких «неустроенных» идеалистов, как Яков Абрамов, идея служения народу стала наиболее подходящим способом самоидентификации.

Во-вторых, нельзя не отметить очень тонкую «душевную организацию» юноши, всегда чутко реагирующего на окружающую его действительность. «Я увидел, – писал Абрамов в 1882 г., – такие картинки народных страданий, бедствий, несчастий, которые мне уже не забыть никогда и после которых мне уже не быть никогда довольным и счастливым» [7, с. 68]. Обостренное чувство социальной несправедливости – очень важный мотив для усвоения такой радикальной системы взглядов, как народничество.

Влияние эпохи и ее идей – это еще один важный фактор формирования мировоззрения Я. В. Абрамова. В 1870-е гг. радикальная молодежь считала, что находится в неоплатном долгу перед народом и должна посвятить себя избавлению его от бедности и угнетения. Решение этой титанической задачи стало сакральной целью для нескольких поколений пореформенной русской интеллигенции, включая и Якова Абрамова, общественная деятельность которого началась как раз в эпоху «хождения в народ».

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Яков Васильевич : биобиблиографический указатель (1880–2017 гг.). – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017. – 212 с.
2. Головки В. М. Книга в истории идейно-творческого самоопределения Я. В. Абрамова (на материале архивных разысканий) / В. М. Головки // Идейно-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2020. – С. 50–83.
3. Головки В. М. «Дело Абрамова» в Кавказской духовной семинарии (на материале архивных разысканий) / В. М. Головки // Идейно-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2020. – С. 84–103.
4. Рукописный отдел Института русской литературы. – Ф. 377. – Оп. 7. – Д. 11. – Л. 1.
5. Громова Е. Б. Я. В. Абрамов : документальная память / Е. Б. Громова // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2013. – С. 224–249.
6. Кемпинский Э. В. Общественно-политическая деятельность Я. В. Абрамова в конце XIX – начале XX вв. / Э. В. Кемпинский, С. Я. Новак // Страницы истории России : межвуз. сб. науч. ст. – Ставрополь : Изд-во Ставропольск. гос. ун-та, 1996. – С. 32–39.
7. Абрамов Я. Гамлеты – пара на грош (из записок лежебока) / Я. Абрамов // Устои. – 1882. – № 12. – С. 53–79.
8. Кемпинский Э. В. Интеллигент из Ставрополя / Э. В. Кемпинский // За лучшую будущность России : к 150-летию со дня рождения Якова Васильевича Абрамова. – Ставрополь : СГКУНБ им. М. Ю. Лермонтова, 2008. – С. 13–16.
9. Абрамов Я. Ставрополь-Кавказский. Вынужденное объяснение / Я. Абрамов // Приазовский край. – 1903. – № 1. – С. 3–4.
10. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 109. – Оп. 164. – Д. 524. – 24 л.
11. [Абрамов Я. В.] Федосеевец. В степи. Ч. I–III, IV / Федосеевец // Устои. – 1882. – № 1. – С. 133–162 ; № 3–4. – С. 96–126.
12. Абрамов Яков Васильевич // Деятели революционного движения в России. Справочник и электронная база данных. Вторая половина 1850-х – 1890-е гг. : в 2 т. Т. 2: 1870-е гг. – М. : Памятники исторической мысли, 2009. – С. 9–10.
13. Абрамов Яков Васильевич // Венгеров С. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней) : в 6 т. Т. 1. – СПб. : Семеновская Типо-Литография (И. Ефрона), 1889. – С. 21–23.
14. Абрамов Яков Васильевич // Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма : в 5 т. Т. 2. Семидесятые годы. Вып. 1. – М. : Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1929. – Стб. 2–3.
15. [Абрамов Я. В.] Федосеевец. Механик (рассказ) / Федосеевец // Устои. – 1881. – № 1. – С. 49–77.
16. Крикунов В. П. Революционные разночинцы на Северном Кавказе / В. П. Крикунов. – Нальчик : Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1958. – 144 с.
17. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 102. – Оп. 95. – Д. 937. – 23 л.

Воронежский государственный университет
Гаврилова Е. И., аспирантка кафедры истории России
E-mail: gavriloval9890126@mail.ru

Voronezh State University
Gavriloval E. I., Post-graduate Student of the Russian
History Department
E-mail: gavriloval9890126@mail.ru